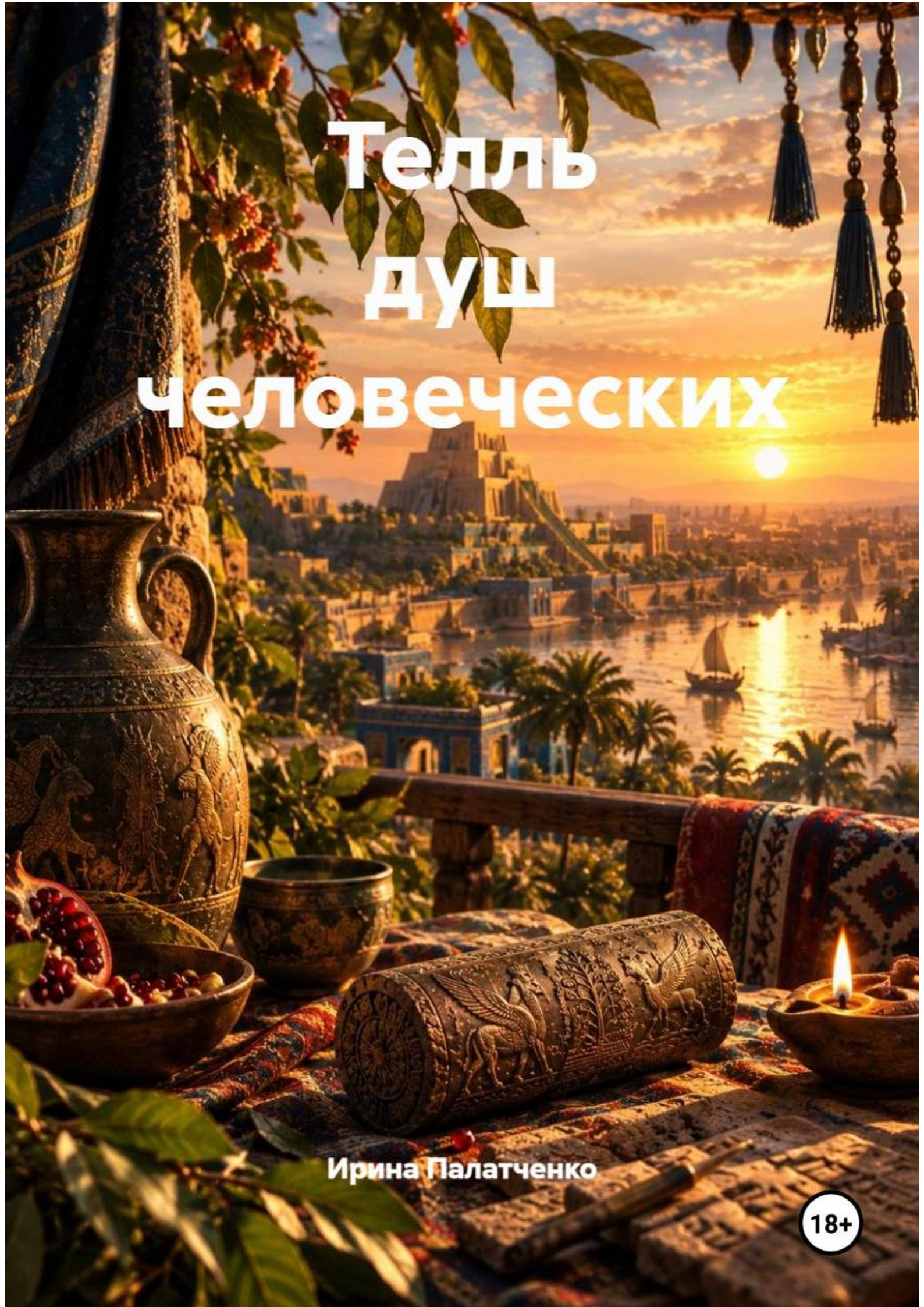

Телль душ человеческих

Ирина Палатченко

18+

Ирина Палатченко

Телль душ человеческих

«Автор»

2026

Палатченко И.

Телль душ человеческих / И. Палатченко — «Автор», 2026

В древней Месопотамии люди строят города, возводят храмы, воюют, заключают браки, торгуют, любят и теряют близких. Меняются цари и боги, рушатся стены, на смену одним приходят другие. Города исчезают, и человеческие судьбы остаются в земле. Их разделяют века. Одни никогда не узнают о существовании других. Но через их руки проходит маленькая цилиндрическая печать, которую передают из поколения в поколение. Она становится свидетелем любви и предательства, семейных драм, войн, жертвоприношений и надежд на будущее. Каждый новый владелец оставляет в её истории что-то своё. Спустя пять тысяч лет археологи расчищают древний телль, слой за слоем возвращая из забвения чужие жизни. И оказывается, что прошлое молчит только до тех пор, пока не находится тот, кто умеет его слушать.

© Палатченко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мене мене текел упарсин	5
Пока стоят Сады	17
Последняя охота	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Палатченко

Телль душ человеческих

Мене мене текел упарсин

539 г. до н. э.

Время правления царя-странника Набонида и его сына-соправителя Валтасара. Эпоха глубокого раскола, святотатств и затаённых обид. Время, когда на вершинах зиккуратов звездочёты читали в движении планет неизбежную судьбу родного города, а тень Кира Великого уже подступала к границам.

Ясное небо расцветало звёздным ковром. Боги соткали над великим городом новое полотно, узоры которого жрецам ещё предстояло прочесть.

— Ты опоздал, — не отрываясь от сырой глиняной таблички, произнёс Бел-ушаллим.

Молодой Кирибти, который думал, что он прошёл к своему месту возле наставника абсолютно бесшумно, прикусил губу, сдерживая вспышку раздражения. Бел-ушаллим невозмутимо продолжал вырезать клинописные знаки заострённым камышовым каламом, и Кирибти, вздохнув, тоже взялся за работу.

Вокруг них, на верхнем ярусе башни, обдуваемом ночным ветром, кипела привычная, отточенная веками жизнь халдейских звездочетов. В курильницах тихо трещал жжёный кедр, смешиваясь с прохладным воздухом.

Несколько жрецов в белых льняных одеждах стояли у края площадки, сверяя положение светил по бронзовым визирным пластинам. Один из писцов с тихим журчанием подливал воду в каменную клепсидру, чтобы отмерять точные интервалы второй ночной стражи.

Звездочеты переносили движения планет на глину. Они наносили расположение светил, отмечали положение звезд клинописными знаками и записывали, в каком доме задержался Мардук и не пересекла ли Иштар путь Энлиля.

Таблички с истолкованными знамениями будут высушены к рассвету и к полудню окажутся в царском архиве, ожидая решения царя.

Бел-ушаллим закончил свою табличку, отложил её на деревянный поднос здоровой рукой и подошёл к Кирибти. Он встал за спиной юноши, наблюдая, как тот выводит клинописный рисунок отведенного ему звёздного сектора.

Юноша невольно занервничал, его пальцы слегка дрогнули, и клинья на мягкой глине стали получаться слишком рваными.

Бел-ушаллим склонился чуть ниже, словно хотел рассмотреть правильность вычислений. Но когда его тень накрыла табличку, он произнёс, едва шевеля губами, чтобы голос не улетел дальше их двоих:

— Я не буду говорить, что это в последний раз. Или что, если ты ещё раз опоздаешь, можешь вовсе не подниматься на башню. Мы оба отлично знаем, почему ты здесь. И почему твои проступки прощаются там, где других давно бы отправили толочь известку.

Кирибти судорожно сглотнул, затаив дыхание. Кончик стилуса замёрз над табличкой.

Бел-ушаллим чуть сдвинулся, заслоняя его от остальных жрецов, и добавил с ледяным спокойствием:

— Но и все они вокруг тоже это знают. Своей беспечностью ты не просто даёшь врагам в руки кинжал. Ты сам перед этим его натачиваешь.

Старец выпрямился и отступил назад в полумрак. Кирибти уставился на свою табличку, только сейчас замечая, что от злой беспомощности уже трижды провёл каламом по одной и той же испорченной линии.

Улица Процессий встречала идущих полуденным зноем, душным пыльным ветром и несмолкающим гулом. Синеватые глазурованные кирпичи величественных стен, украшенные выпуклыми барельефами золотых львов и чешуйчатых драконов-мушхушшу, излучали накопленный за день жар.

Кирибти и его приятель, молодой писец Набу-иддин, сначала заглянули в полутёмную лавку у подножия ворот Иштар, чтобы забрать кедровую смолу, кунжутное масло и приготовленную аптекарем мазь, которой писцы смягчали сбитые пальцы после долгих часов работы.

Стоило им выйти обратно на главную улицу, как толпу смыкающихся прохожих бесцеремонно потеснили.

— Дорогу! Прочь с пути! — кричали погонщики, размахивая бичами.

Через Улицу Процессий тянулась вереница гружёных повозок, запряжённых истощёнными волами. На деревянных платформах покоились замотанные в плотные холсты каменные изваяния. В город свозили статуи и святыни из провинциальных храмов. Среди них особенно часто попадались изображения бога Сина, которого царь Набонид почитал превыше остальных.

Возле каменных ограждений за этой процессией наблюдала группа жрецов Мардука. Их обритые наголо головы блестели от пота, а льняные одежды казались ослепительно белыми на фоне пыли.

— Святотатство... — громко и не таясь, прошипел один из жрецов, наблюдая за повозкой с алтарём. — Отрывает богов от их храмов! Мардук не простит царю этого позора. Набонид лишился разума в своей пустыне...

— Тише ты, — дернул его за рукав соратник, но сам оглянулся вокруг с тёмным, полным ненависти ожесточением. — Недолго осталось. Скоро все они ответят перед великим Белом.

Набу-иддин ткнул Кирибти локтём в бок и шепнул:

— Слышал? В храме уже даже не пытаются делать вид, что верны царю. А Валтасар всё пирует, будто есть что праздновать!

Кирибти ничего не ответил, лишь сжал губы. Слова жрецов тревожным эхом отозвались внутри.

На городском рынке атмосфера была не лучше. Возле речных причалов, где торговцы выкладывали тщательно отмученную глину для храмовых писцов, кипела брань.

— Треть? За тот же мешок? Ты смеешься надо мной??! — искренне возмутился Набу-иддин, всплеснув руками перед пузатым торговцем. — Мы брали у тебя точно такую же глину пять дней назад! Отдавай за старую цену!

Торговец вытер сальную шею грязным тряпьем и устало вздохнул, опёршись о мешок:

— Юноша, ты в небесах витаешь или на землю иногда спускаешься? Вчера персидские разъезды видели уже у самых каналов на севере! Купцы из Сиппара не пришли, привоза нет. Хлеб дорожает каждый час, а за серебро скоро и горсти зерна не купишь. Скажи спасибо, что я вообще отдаю этот мешок за одну лишнюю треть. Завтра и за целый сикль не отдам!

Поторговавшись немного и понимая, что дешевле глину всё равно не найти, Набу-иддин с досадой отвесил серебро и договорился о доставке мешков к подножию зиккурата.

Когда все дела были закончены, Набу-иддин вытер пот со лба и с тоской посмотрел в сторону шумного квартала у Евфрата:

— В горле будто песком засыпали... Слушай, Кирибти, пошли в дом пива, переведём дух. Всё равно до вечера ещё далеко.

Кирибти на секунду задумался, но качнул головой:

— Не могу, Набу. У меня есть поручение от отца.

— Опять? — Набу-иддин сочувственно прищурился. — Что даже на часок повременить нельзя?

— Он велел забрать кое-какие документы и принести сразу, как освобожусь, — не вдаваясь в подробности, отрезал Кирибти. — Лучше сделаю как он просит.

— Твоё дело! Тогда я за двоих выпью, — усмехнулся Набу-иддин, помахав ему рукой, и скрылся в узком переулке, откуда доносился запах хмеля и жареной рыбы.

Оставшись один, Кирибти поправил сумку на плече и направился в сторону богатого квартала, где среди тенистых садов и высоких глинобитных стен располагалась усадьба могущественного торгового дома Эгиби.

Вернувшись к обители жрецов звездного неба, Кирибти поднялся по ступеням. Городская пыль и суeta рынка остались внизу, но зной всё ещё преследовал его. У самой двери в покои наставника Бел-ушаллима юноша остановился, чтобы перевести дух, поправить сбившуюся одежду и пятернёй пригладить спутанные ветром волосы.

Уже занеся руку над плотной циновкой, закрывавшей проём, он замер: изнутри доносились голоса.

Один принадлежал Бел-ушаллиму, второй голос был глубоким, раскатистым, привыкшим отдавать приказы сквозь лязг и грохот. Он принадлежал военачальнику Угбару, наместнику северных земель и командующему войсками Гутиума.

В том, что военачальник пришёл к старшему звездочёту, не было ничего удивительного. Знать и полководцы регулярно поднимались на башню, желая узнать волю богов перед походами. Но слова, донесшиеся из-за занавеса, смутили юношу.

— Я иду принести мир, — решительным тоном произнёс Угбару. — Твои звёзды укажут нам путь?

— Разумеется, — отозвался Бел-ушаллим с ледяным спокойствием. — Иштар достигла полной силы своего сияния. Мардук благоволит твоему шагу.

Кирибти нахмурился. Иштар в полной силе? Но ведь каждый писец знал: когда Иштар вспыхивает на небесном своде во всём своём ослепительном блеске, это знак меча, а вовсе не мира.

Отогнав невольное смущение, Кирибти громко постучал по деревянному косяку и отдернул занавес. Угбару стоял в центре комнаты в кожаном панцире, расшитом бронзовыми чешуйками, и длиннополом плаще. При появлении юноши военачальник мельком бросил на него острый оценивающий взгляд.

— Приветствую тебя, доблестный Угбару, — Кирибти с почтением наклонил голову, а затем поклонился старшему жрецу:

— Наставник, все твои указания в городе исполнены. Глина доставлена, мази у писцов.

Бел-ушаллим стоял у высокого стола. При звуке голоса ученика он неспеша повернулся и протянул правую руку. Его левая рука, от плеча до сухих пальцев, оставалась неподвижной под складками тёмной ткани.

Кирибти приблизился, достал из сумки несколько плоских глиняных табличек и аккуратно переложил их в крепкую ладонь наставника.

Бел-ушаллим бегло просмотрел клинописные оттиски на глине, и, не проронив ни слова, сделал короткий жест головой, отпуская юношу. Кирибти ещё раз поклонился обоим мужчинам и вышел.

Бел-ушаллим неотрывно смотрел на колышущуюся ткань занавеса, пока она не застыла в спокойствии.

— Ты уверен? — спросил старец.

Угбару посмотрел на него, но промолчал. Бел-ушаллим провёл пальцами по краю глиняной таблички. Клинья, которые он сам начертил, вдруг показались ему слишком глубокими.

— Если мы ошиблись, — продолжил звездочет, — город заплатит за это кровью.

— Я знаю, — прохрипел Угбару.

Старец поднял глаза к открытому проёму, за которым темнело ночное небо и среди звёзд уже горела Иштар.

Перед глазами Бел-ушаллима возникли улицы Вавилона, торговцы, дети, мужчины в домах пива, женщины, ведущие хозяйство. Все те, кто ничего не знал о том, что решалось сейчас в тишине храмовых покоев.

Бел-ушаллим обернулся и передал хмурому военачальнику глиняные таблички. Угбару взял их и ушел, не попрощавшись.

Очередная ночь на вершине Этеменанки дышала прохладой и тишиной. Кирибти почти закончил выводить последние клинописные знаки на влажной глине, когда тихий шелест камышовых каламов нарушил металлический лязг.

На верхнюю площадку поднялся царский стражник в бронзовом панцире. Сжав копье, он поклонился старшему жрецу-звездочету:

— Бел-ушаллим. Владыка Валтасар призывает тебя к себе.

Старший жрец неторопливо обогнул стол и указал Кирибти на три свежие таблички, те самые, где вычислялся ход Мардука и Иштар на ближайший месяц.

— Возьми их. И иди за мной.

Юноша бережно подхватил ещё сырые глиняные плитки и последовал за наставником и стражником вниз по грандиозным ступеням зиккурата.

Чем ниже они спускались к царскому дворцу, тем сильнее сквозь ночную свежесть пробивался оглушающий гул. В царских покоях шумел очередной пир.

Когда массивные бронзовые двери распахнулись, на Кирибти обрушилась волна жара, пряных ароматов жжёного ладана, жареного мяса и сладкого финикового вина. Огромный зал утопал в безумной, почти болезненной роскоши. Стены из синего глазурованного кирпича с золотыми барельефами отражали свет сотен факелов и масляных светильников.

За длинными столами восседали десятки знатных мужей, военачальников в расшитых одеждах, наложниц и танцовщиц. Слуги сбивались с ног, разнося кубки из серебра и чеканного золота, а в углу надрывно гремели тимпаны и истерично звенели лиры.

В центре зала на возвышении, на кедровом ложе покоился сам Валтасар. Кирибти видел сопровителя царства не в первый раз. Под темными, горящими нездоровым блеском глазами царя всё глубже залегали синеватые тени. Пышная надушенная борода и золотой венец не могли скрыть печати изнурения и затаённого страха, от которого царь пытался глушиться вином.

— Подойди, Бел-ушаллим! — громко возгласил Валтасар, махнув кубком и не глядя на юного ученика. — Скажи мне, жрец! Ты весь вечер всматривался в небесную бездну. Что говорят боги о моем решении? Мои отряды уже готовятся выступить к Тигру, чтобы встретить персов у Описа. Чист ли наш путь?

Кирибти выступил чуть вперёд и поднял таблички перед собой на уровне груди, повернув их глиняными строчками к царю и наставнику.

Бел-ушаллим приблизился к возвышению, где находился царь. Правой рукой старший звездочёт указал на верхний угол первой таблички.

— Знамена записали волю богов, мой царь, — произнёс Бел-ушаллим ровным голосом, проникавшим сквозь шум зала. — Небо не закрывает дороги к Тигру. Знаки предрекают победу войскам... Но эта победа не достанется легко. Дорога умыта тёмной водой и великим трудом.

При этих словах по залу пробежал шепоток. Валтасар нахмурился, его губы брезгливо исказились, а в глазах вспыхнула спесь:

— Не достанется легко? — с пренебрежительным смешком перебил он, оглядывая пирующих полководцев. — Что за трусливые речи, звездочёт! С той армией, что я посылаю к Опису, с полками лучших лучников и копейщиков, победа не может быть иной, кроме как скорой и сокрушительной!

Сидевшие подле царя молодые прихвостни подхватили его тон, победно закричали и подняли чаши, кичась своей мощью и похваляясь, как раздавят персов у реки. Однако Кирибти, глядя поверх глиняных табличек на лица гостей, заметил и другое.

Старые вельможи и умудренные опытом воины в глубине зала молча переглядывались, пригубляя вино. Они отлично знали, что персы Кира уже смяли не одну империю, и лёгкой эта битва не будет ни для кого.

Бел-ушаллим не попытался возразить на насмешку правителя. Он лишь низко поклонился, склонив голову перед ложем:

— Я лишь скромный звездочёт, владыка. Моё дело — читать то, что вычертили боги на ночном небе, и склоняться перед мудростью и волей царя.

Валтасар удовлетворенно хмыкнул, взмахнув рукой:

— Иди с миром, Бел-ушаллим. Пейте и веселитесь! Вавилон нерушим!

Царь снова припал к кубку, музыканты ударили по струнам, и пир с новой силой закружился в золотом чаду.

Бел-ушаллим сделал знак Кирибти, и юноша, аккуратно опустив таблички, последовал за наставником прочь из душного зала назад в тишину и прохладу ночной башни.

В малом зале царского совета сегодня разговаривали вполголоса, и сдержанный гул не прекращался ни на мгновение.

Бел-ушаллим с учеником стояли в тени массивной базальтовой колонны. В правой руке старший жрец держал большую глиняную табличку с учетными записями храмовых амбаров. Позади него Кирибти удерживал остальные, стараясь держаться прямо и невозмутимо.

На возвышении в резном кресле восседал Валтасар. В его жесткой позе, в том, как он судорожно сжимал подлокотники, виделся какой-то затаенный страх.

Перед царем стоял седой советник. Говорил он осторожно, подбирая слова, чтобы не вызвать гнев правителя:

— Владыка... На улицах неспокойно. Народ ропщет. То, что со всех провинций в Вавилон свозят святыни бога Сина, жрецы Мардука называют прямым святотатством. В нижнем городе шепчутся, будто боги оставили столицу. Нам нужно успокоить людей, вернуть статуи в их обители, пока...

— Вернуть? — перебил его Валтасар. Голос его дёрнулся, но царь тут же попытался придать ему твердости. — Отец собирает силу всех богов за стенами Вавилона! Это защита, а не святотатство!

Из свиты царя выделился молодой знатный фаворит:

— Советник слишком боязлив, о царь, — сладко произнес он, воровато поглядывая на сомневающихся военачальников.

— Жрецы Мардука всегда чем-то недовольны, но они смирятся, как делали всегда. Народ благоволит тебе. Стоит тебе выехать к воротам Иштар, и толпа будет славить твое имя. У персов нет сил подступить к нашим стенам, а у Описа их встретит лучшая армия.

Валтасар жадно впился в эти слова, и на его лице промелькнуло облегчение. Он кивнул, цепляясь за эту угодливую ложь.

Молодой фаворит, окрыленный тем, как легко ему удалось склонить царя, решил окончательно утвердить своё превосходство в зале. Он взглянул на группу жрецов у колонны и вальяжно подошел к ним.

— А вы что застыли, звездочёты? — громко спросил он, срывая накопленное напряжение. — Ищите знамения под сводами?

Он взял со стола писца массивную глиняную табличку с царскими указами и шагнул вплотную к Бел-ушаллиму.

— Проверьте эти знаки, — с глумливой ухмылкой произнес вельможа. — Звёзды здесь сами на себя не похожи.

С этими словами он протянул кусок глины прямо в руки Бел-ушаллиму. Зал замер. Кирибти у колонны сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Правая рука Бел-ушаллима уже была занята тяжелым документом, а левая, усохшая еще при рождении, неживой ветвью висела под туникой.

Бел-ушаллим не шелхнулся. Его здоровая рука мертвой хваткой сжимала табличку, а он сам спокойно смотрел в лицо молодому фавориту. Шли секунды, фаворит всё продолжал держать табличку на весу.

Но скоро его угодливая ухмылка начала медленно сползать. Рука, удерживающая глину, стала заметно дрожать, а немигающий тяжелый взгляд старшего звездочёта выжигал в нем остатки спеси. Вельможа заглывал собственный яд, не понимая, как поступить дальше.

В этот момент бронзовые двери зала с оглушительным грохотом распахнулись. В помещение влетел гонец. Его одежды были разорваны, лицо залито запекшейся кровью и покрыто серой пылью дорог. Он проскользнул по гладкому плиточному полу и обессиленно рухнул на колени перед помостом царя.

— Владыка! — сорванный крик гонца разорвал душный воздух зала. — Войска у Описа разбиты! Персы смяли левый фланг и перешли Тигр! Царь Набонид бежал в Борсиппу!

На миг в зале повисла оглушительная тишина. Валтасар в ужасе поднялся с кресла, лицо его мгновенно стало блее извести. Военачальники закричали, хватаясь за рукояти мечей, вельможи в панике бросились к выходу.

Молодой фаворит, побелев от страха, судорожно опустил руку с табличкой, мгновенно забыв и про жреца, и про свою спесь.

А Бел-ушаллим так и остался стоять у базальтовой колонны, наблюдая за происходящим как за движением звёзд на ночном небе.

— Быть не может! — Кирибти озадаченно уставился на глиняную табличку перед собой.

В полутёмных покоях Бел-ушаллима пахло сухой глиной, кунжутным маслом и кедровой смолой. Здесь, вдали от шума башни и царских палат, они проводили долгие часы вдвоём, объединённые привычным тихим трудом.

Кирибти сидел за низким деревянным столиком, аккуратно счищая деревянным ножом облой с подсыхающих табличек. Бел-ушаллим выводил камышовым каламом чистовую табличку со знамениями, предназначенную для высшего совета.

В комнате стояла уютная тишина, нарушаемая лишь мягким поскрипыванием тростника по влажной глине. Сверившись со своими черновыми записями ещё раз, Кирибти наклонился над табличкой наставника и нахмурился.

— Господин... — осторожно начал юноша. — Здесь не занесено светило. Восход Иштар на западе. Если на совете увидят, что знамение неполное...

Кончик калама Бел-ушаллима завис над сырой глиной. Старший жрец обернулся к нему. Его лицо приняло настолько суровое выражение, что Кирибти невольно осекся и подался назад.

— Смотри в небо, Кирибти, — с нажимом произнёс Бел-ушаллим. — А не в мои таблички. Запомни это и больше никогда не поправляй мою руку.

Кирибти прикусил язык и низко опустил голову:

— Прости, господин.

Бел-ушаллим отложил калам, аккуратно завернул таблички в мягкий холст и поднялся:

— Пора. Нас ждут в Эсагиле.

Зала для собраний в главном храме Мардука кипела. Здесь не было царя Валтасара, а потому собравшиеся жрецы, городские старейшины и представители богатых купеческих родов говорили куда свободнее и громче, не опасаясь царского гнева.

Кирибти шёл немного позади Бел-ушаллима, держа в руках перевязанную стопку глиняных документов.

— Я не отдам ни единого мешка зерна! — громко возмущался жрец-хранитель закровов, окружённый соратниками. — Пусть царь сам ломает печати святилища, если посмеет! Мы не будем кормить его пиры!

— Тише вы, — сдержанно увещевал его пожилой представитель знатного рода. — К чему эта паника? Город в полной безопасности. Внешние стены Имгур-Энлиль и внутренние Нимитти-Энлиль простоят хоть десять лет! Склады забиты зерном, Евфрат несёт нам воду сквозь защищенные решетками русловые проходы. Персы подставят головы под наши стрелы, простоят у стен и уйдут ни с чем.

— Стены-то выдержат, а выдержим ли мы этот позор?! — перебил его другой жрец, сжимая кулаки.

— Город заперт, торговля встала. Дом Эгиби не выделяет больше деньги на царскую армию и переписывает имущество, а Валтасар только и делает, что свозит статуи со всей страны да созывает вельмож на праздники! Боги проклинали дом Набонида.

Бел-ушаллим молча скользил между спорящими группами. Время от времени он останавливался рядом с кем-то из влиятельных жрецов Эсагилы или старейшин. Они обменивались короткими фразами и едва заметными кивками.

— Табличка для царя готова, Бел-ушаллим? — вполголоса спросил один из верховных служителей Мардука, мельком посмотрев на Кирибти.

— Готова, — ровно ответил верховный звездочёт. — Звёзды сулят спокойствие в стенах Вавилона. Царю не о чем беспокоиться в эту ночь.

Служитель Мардука улыбнулся:

— Отлично. Пусть дворец спит спокойно. Чем глубже его сон, тем быстрее наступит рассвет.

Кирибти слушал эти разговоры, и внутри у него всё сжималось от странного чувства. Юноша видел, как открыто жрецы саботируют приказы Валтасара, как городская знать убаюкивает себя сказками о неприступных стенах и как его собственному наставнику кланяются могущественные люди города.

Продуваемая сквозняками галерея тянулась вдоль внутреннего двора. Мимо Кирибти постоянно проходили люди. То торопливые писцы с деревянными футлярами для тростниковых каламов, то стражники в бронзовых панцирях, то рабы с подносами, уставленными кувшинами.

Несколько раз Кирибти порывался развернуться и уйти прочь из дворца, назад в прохладную тишину святилища, но ноги словно приросли к плитам из обожженного кирпича.

Он думал, что всё невероятно просто. Достаточно сделать шаг, произнести несколько слов, и всё прояснится. Вот только пульсирующие мысли в голове не прекращались. *«А что, если он не ошибается? Что, если боги хотят именно этого?»*

— Кирибти? — раздался рядом знакомый хрипловатый голос.

Юноша вздрогнул. Перед ним стоял Набу-аххе, старший писец, друг его отца.

— Ты чего здесь? На тебе лица нет.

— Мне нужно увидеть владыку, — хмуро ответил Кирибти.

— Сейчас? — Набу-аххе удивленно вскинул брови. — Ты в своем уме?

— Это важно.

— Всем сейчас важно, — вздохнул писец, оглянувшись на стражников у дверей. Он помедлил, разглядывая бледное лицо Кирибти, а затем склонил голову. — Ладно. Шагай за мной.

Кирибти ожидал, что его поведут в главный зал, но старший писец свернул в узкий коридор, предназначенный для слуг, и оставил юношу перед неприметной дверью из обитого медью кедра.

Вышедший слуга провел его в небольшое помещение, пропитанное густым запахом коптящего масляного светильника и старого воска.

Валтасар сидел за столом, положив локти на документы. Перед ним царил настоящий хаос: беспорядочные стопки подсыхающих клинописных табличек, деревянные дощечки для расчетов с разглаженным воском, исчерченные схемы городских каналов, и несколько кубков с темным осадком недопитого вина.

На нем была простая льняная туника. В свете настенных факелов он выглядел значительно старше своих лет, и казался измученным. Царь сделал глоток вина и повелел вошедшему юноше говорить.

— Владыка... — Кирибти подошел ближе, чувствуя, как пересохло в горле. — Я... мне кажется... среди жрецов Эсагилы...

Валтасар перебил его.

— Ты тоже пришёл сказать, что Мардук отвернулся от нас?

Кирибти осекся. Слова застряли в гортани.

— Нет...

— Тогда что?

Юноша молчал, кусая губы.

— Не бойся, — произнес Валтасар, наклонившись вперед. — Здесь тебя никто не накажет за правду.

— Я думаю, что... — начал Кирибти, но договорить не успел.

Занавеска у входа раздвинулась. В покои вошел фаворит царя. Не взглянув на Кирибти, он со скользким поклоном приблизился к столу.

— Владыка, прибыли новые донесения.

Валтасар вздохнул и протянул руку. Молодой фаворит подал ему небольшую глиняную табличку в защитном конверте. Царь разломал его, бегло просмотрел табличку, и на его бледном лице проступила тревога.

— Владыка, не позволяй нескольким трусам лишить тебя сна, — спокоен и убедителен был голос фаворита. — Купцы всегда преувеличивают, чтобы поднять цены на хлеб. Жрецы всегда требуют больше власти. А стены Вавилона стояли до твоего рождения и будут стоять после.

Валтасар опустил табличку на стол, зажмурился и провел ладонью по лицу.

— За последние дни каждый, кто входит в эту комнату, приносит мне новую правду, — проговорил он в темноту покоев. — Если я поверю всем сразу, я сойду с ума.

Царь открыл глаза и посмотрел на юного звездочета.

— Ты ведь тоже хотел что-то сказать?

Внутри Кирибти сложилось страшное понимание. Сказанная правда ничего бы не изменила.

— Нет, владыка, — ответил Кирибти и низко поклонился. — Я ошибся.
Он развернулся и покинул покои.

Огромный зал царского дворца утопал в надрывном веселье. Десятки вельмож, военачальников и наложниц восседали за длинными столами, уставленными золотыми и серебряными кубками. За стенами Вавилона стояли персы, но здесь, в эпицентре искусственного рая, вино лилось рекой, а струны музыкантов заглушали въевшуюся в сердца тревогу.

Перед тем как войти в зал, Бел-ушаллим остановился у дверей. За ними звучала музыка, смеялись женщины, звенело золото. Он почувствовал холод под одеждой.

Ещё можно было уйти, вернуться в Эсагилу, сказать Угбару, что время не пришло. Позволить царю встретить рассвет в неведении и посмотреть, что принесёт следующий день.

Старец опустил глаза на свою здоровую руку, которая едва заметно дрожала, затем посмотрел на ждущего его Кирибти, покачал головой и первым шагнул в зал.

Бел-ушаллим и Кирибти присутствовали на пиру в праздничных одеждах. Старший звездочёт выбрал место в стороне, у ложа группы молчаливых знатных мужей. В отличие от опьянённых царских фаворитов, эти люди сидели в напряжённом ожидании, лишь изредка обмениваясь понимающими взглядами.

Кирибти, сидевший подле наставника, на секунду отвлёкся. От побелённой стены, возле которой возвышался огромный золотой светильник, донёсся странный запах, похожий на душный чад жжёной серы и сырой нефти.

Юноша мельком заметил, как в тени за выступом колонны мелькнула тёмная фигура раба, только что подправившего что-то у стены, но не придавал этому значения — мало ли чем натирают дворцовую извесь для блеска.

Бел-ушаллим рядом казался необычно расслабленным. Впервые за долгое время его суровое лицо выглядело спокойным. Один из седых вельмож, сидевших напротив, посмотрел на Кирибти и с лёгкой грустью сказал старшему звездочёту:

— Жаль, мой сын не пошёл по моим стопам, всё ищет славы в мече.

Бел-ушаллим посмотрел на юношу. В его взгляде проступила глубокая, отцовская теплота:

— Это единственная дорога, где я действительно мог помочь. Так что выбирать было не из чего.

Сердце Кирибти сжалось. В этот момент соседний вельможа подался ближе к Бел-ушаллиму и еле слышно, единым дыханием прошептал ему на ухо:

— Угбару принёс мир к стенам.

Кирибти не успел осмыслить услышанное. Из центра зала раздался дикий, исполненный смертельного ужаса женский крик, а за ним звон разбившегося золотого кубка.

Гул сотен голосов и музыка мгновенно оборвались. Все взоры обратились к побелённой стене напротив царского ложа, где горел главный светильник.

В воздухе над извесью бестелесная кисть на глазах у онемевших людей выжигала на белом фоне кроваво-огненные клинописные слова:

МЕНЕ МЕНЕ ТЕКЕЛ УПАРСИН

Огонь въедался в штукатурку, распространяя тот самый резкий запах серы и нефти.

Валтасар вскочил с ложа, но ноги не удержали его. Лицо царя мгновенно изменилось. С него слетела вся хмель, кожа стала смертельно бледной, а в расширившихся от дикого страха глазах отразился огонь роковых букв.

Суставы его бёдер ослабели, колени затряслись и с громким стуком забили одно о другое. Царь бессмысленно хватал ртом воздух и указывал дрожащим пальцем на пылающую стену.

— Что значат эти слова?! — дикий голос Валтасара прорезал онемевший зал. Царь тяжело дышал, его венец съехал набок, а пальцы судорожно впились в ткань одежды. — Прочтите их! Кто истолкует мне знамение?!

В безумном страхе Валтасар обернулся в поисках своих мудрецов, предсказателей, фаворитов, еще час назад клявшихся ему в верности. Но ни один из них не поднял головы. Те самые вельможи, что насмехались над опасностью, теперь в страхе опускали взоры, всматриваясь в залитый вином пол. Никто не хотел становиться вестником гибели.

— Что... никто?! — почти с истеричным визгом выкрикнул Валтасар, подавшись вперед. — Вся моя знать... все мои мудрецы — и никто не смеет вымолвить ни слова?!

И тогда из тени базальтовой колонны вышла фигура. Бел-ушаллим сделал несколько шагов вперед. Старший звездочёт остановился перед самым возвышением, не склонив головы перед царём. Он смотрел на ещё тлеющие в извести буквенные клинья.

— Я прочту тебе эти слова, о царь, — произнёс Бел-ушаллим. Его голос, ровный и твердый, словно удар молота по камню, разнёсся по залу. — Вот истолкование того, что начертала рука богов:

МЕНЕ — Бог исчислил дни царства твоего и положил ему конец.

ТЕКЕЛ — Ты взвешен на весах и найден очень лёгким.

УПАРСИН — Разделено царство твоё и отдано мидянам и персам.

Слова старшего звездочёта повисли в воздухе тяжелым свинцом. Валтасар осел на ложе. С его бескровного лица окончательно сошли остатки человеческих чувств. Губы правителя бессильно шевелились, но он не мог вымолвить ни единого звука. Все его спесивые речи, все иллюзии неприступности рассыпались в пыль.

Несколько молодых царских приспешников, стоящих ближе к выходу, попытались скользнуть к резным дверям боковых переходов. Но вельможи, сидевшие по краям зала, те самые, что весь вечер молча ждали, без единого слова поднялись со своих мест и сомкнули ряды, преградив им путь. Выхода из зала больше не было.

Снаружи, из длинных дворцовых галерей, донёсся нарастающий гул. Загремели бронзовые щиты, раздался короткий звон скрестившихся мечей и крики гибнущей стражи. Шаги сотен вооруженных воинов сотрясали плиты пола.

Двустворчатые двери распахнулись с оглушительным треском. В золотой чад пиршественного зала ступили персидские воины. На их кожаных доспехах и бронзовых шлемах блестела свежая кровь.

Впереди шел Угбару в окружении других знатных военачальников, которые отвели русло великой реки и прошли внутрь города незамеченными. Вавилон пал в разгар пира без долгих осад и без сожжённых стен.

Слуги и фавориты Валтасара, попытавшиеся выхватить кинжалы, были смяты и изрублены за считанные мгновения. Золотые кубки валялись со столов, смешивая сладкое финиковое вино с алой кровью на синих глазурованных плитах. Сам Валтасар, так и не успевший подняться с ложа, встретил свой конец там же, под вспыхнувшим пророчеством на стене, став последним правителем великой империи.

Когда короткая беспощадная расправа завершилась и над залом снова воцарилась тишина, персидские воины разошлись, освобождая путь для своих командиров.

Среди витающего воздуха, пропитанного запахом горячего масла, серы, вина и крови, у базальтовой колонны неподвижно стояли двое. Бел-ушаллим и Кирибти, отец и сын, были молчаливыми наблюдателями этого момента. Они смотрели, как рушится старый Вавилон и как на его руинах зажигается рассвет новой эпохи.

Царь Кир Великий вошёл в Вавилон освободителем. Угбару принёс к древним стенам именно тот мир, о котором просили боги и люди: без пылающих пожарищ, без разграбленных домов и бессмысленной резни.

Для большинства горожан было безразлично, чьи пиры шумят за золотыми дверями дворца — Набонида, Валтасара или персидского владыки.

Кирибти пробирался сквозь пеструю городскую толпу, с удивлением и улыбкой наблюдая за происходящим. Торговцы на рынках громко зазывали покупателей, горшечники выставляли свой товар, а из хлебопекарен доносился густой запах свежего ячменного хлеба.

У ворот усадьбы могущественного торгового дома Эгиби юношу встретили как родного. Слуги с улыбкой провели его во внутренний дворик, а сын старейшины лично вышел навстречу. Кирибти вежливо отказался от предложенного финикового вина и свежих сладостей, аккуратно передал доставленные от Бел-ушаллима глиняные документы и получил взамен стопку других табличек, скреплённых печатью. На обратном пути, проходя мимо знакомого дома пива, Кирибти заметил в прохладной тени навеса своего приятеля Набу-иддина.

— Набу! — окликнул его Кирибти.

Молодой писец поспешил к нему, и они вместе вышли на Улицу Процессий. На повозках, запряженных волами, увозили обратно в провинциальные храмы снятые ранее изваяния бога Сина. Жрецы Мардука, не скрывая радости, громко славил своего покровителя. Кир вернул Мардуку статус главного защитника Вавилона.

У дворцовых ворот их пути разошлись: Набу-иддин отправился к остальным писцам, а Кирибти поднялся в тихие покои Бел-ушаллима.

Старший звездочёт стоял у высокого окна, выходявшего на панораму бесконечного города. В полуденном свете он медленно перебирал пальцами здоровой руки тёмную цилиндрическую печать, висевшую у него на шее на кожаном шнурке.

Кирибти бережно положил принесённые таблички на деревянный стол:

— Я спешил принести их тебе как можно скорее.

Бел-ушаллим не обернулся, лишь тихо отозвался:

— В этой спешке теперь нет необходимости.

Кирибти неловко замялся у порога. В его душе бушевало целое море вопросов, ответов на которые он не мог найти с той самой роковой ночи. Юноша подошёл ближе к отцу и, заметив, что внимание того приковано к печати, спросил:

— Почему на нашем фамильном цилиндре выбита Повозка? Разве для звездочёта не лучше было бы выбрать более величественное созвездие?

Бел-ушаллим пожал плечом:

— Видимо, для наших предков она значила больше других. Да и разве это не самое простое созвездие, которое узнаёт даже ребёнок?

Кирибти перевёл взгляд на город, растянувшийся до самого горизонта:

— Дети подчас видят больше, чем родители позволяют им.

Бел-ушаллим коротко усмехнулся, но ничего не ответил, продолжая смотреть вдаль.

— Почему, отец? — не сдержался наконец Кирибти, и голос его дрогнул от подступивших эмоций. — Почему ты не рассказал мне о заговоре сразу? Неужели я был недостойн твоего доверия? Если бы я знал, я бы...

— А что бы ты сделал, Кирибти? Предал старшего звездочёта своему владыке? Или предал бы своего царя ради собственного отца? Как бы ты потом примирился со своей совестью?

Кирибти растерянно замолчал. Слова застряли у него в горле. Он действительно не знал ответа.

Бел-ушаллим подошёл ближе и положил правую руку на плечо сына:

— Иногда боги посылают знамения не в звёздах и светилах. Иногда они действуют через людей. Нам остается лишь служить их воле. Благодаря этому в городе сейчас кипит жизнь, а не льётся рекой кровь. Когда эта печать перейдёт к тебе, помни: служи не тем, кто сидит на троне, а тому, ради чего он существует.

Пока стоят Сады

VI век до нашей эры. Нововавилонское царство достигло вершины своего могущества. Похоронив Ассирию, царь Навуходоносор II превратил Вавилон в сверкающую глазурию столицу мира.

Время, когда воля царя подчиняет себе и народы, и саму природу, а у подножия гигантских зиккуратов сталкиваются судьбы ученых, воинов и чужеземцев со всего Средиземноморья.

«Полный радости, взирай на мои деяния, дабы сотворенное моими руками осталось зримым на все времена!»

Амат-Иси-эсагила-рабат провела пальцами по строительной надписи царя, выбитой на обожженном кирпиче. Уголки её губ тронула едва заметная улыбка.

Сухой горячий ветер, прилетевший со стороны Евфрата, коснулся её обнаженных плеч, приглашая обернуться и взглянуть на плоды своего триумфа. И она приняла его приглашение.

Перед ней раскинулось новое немыслимое чудо великой империи. То, что несколько лет назад было дерзкой безумной мечтой, теперь выросло монументальным памятником человеческого упорства, гордо разрезая душное вавилонское небо.

Амаис смотрела вдаль на каскады шумящей зелени, и каждый раскидистый кедр, каждый безупречно уложенный ярус и скрытый в толще стен водный канал возвращали её мысли в те дни, когда этого рукотворного рая ещё не существовало. В те дни, когда всё только начиналось...

Мидийская царица Амейтис снова грустила в своих покоях. А это означало одно: владыка Навуходоносор вновь прибудет на совет в дурном расположении духа. И немудрено, любой грозный лев не сможет сдержать свой рык, слушая каждую ночь, как его возлюбленная плачет от невыносимой тоски по далекой прохладной родине.

Амаис, воспитанная в традициях суровой сдержанности, не любила подобных излишеств чувств. Ей куда ближе были бесстрастная отрешенность собственного мужа-чиновника или яростная воля самого царя, чем долгие бесплодные страдания.

Зачем изнурять сердце тоской, если можно занять руки и разум работой? Что толку от дерева, если оно не дает плодов?

Переступив порог прохладных, пахнущих миррой покоев, Амаис низко склонилась перед царицей и покорно опустила на расшитую подушку у её ног. Амейтис шумно вздохнула. Тонким запястьем, украшенным золотыми обручами, она сделала знак рабыне наполнить их чаши густым кипрским вином, после чего властным движением отослала прислугу прочь.

— Что интересного расскажешь мне сегодня, Амаис? — голос царицы звучал глухо, словно шелест сухих листьев.

Амаис заговорила о новых барельефах, что мастера как раз заканчивали вырезать на синей глазури Ворот Иштар. О яростных турах и крылатых драконах-сиррушах, призванных охранять покой города. Но вскоре она осеклась. Царица не слушала. Её глаза, подведенные густой сурьмой, были устремлены сквозь резные решетки окон, туда, где плавился от зноя бесконечный Вавилон.

Губы царицы дрогнули в виноватой улыбке:

— Прости меня, Амаис. Мои мысли снова улетели далеко от этих стен.

Амаис почтительно наклонила голову, скрывая проницательный блеск глаз:

— О чем же тоскует моя госпожа?

— Всё о том же, — отозвалась мидийка.

Женщины сделали по глотку терпкого вина. Амейтис со стоном откинулась на шелковые валики:

— В этом городе так жарко и душно... Ни капли живой прохлады, ни ладони истинной тени. Один обожженный кирпич и раскаленный песок.

— Надеетесь залить царский дворец слезами, чтобы вернуть ему свежесть? — не удержав свой острый язык, спросила Амаис.

Амейтис звонко рассмеялась. Страдальческая маска слетела с её лица.

— До сих пор это никому не удавалось, — лукаво прищурилась царица. — Но кто знает, вдруг я стану первой?

Женщины переглянулись, и их негромкий смех оживил душную тишину покоев. Амейтис подалась вперед, и в её глазах вспыхнул огонь:

— Вот если бы можно было принести во дворец мои родные горы и шумные леса! Греческие сказители поют, будто Персей перемещал огромные камни, чтобы воздвигнуть стены Микен, а Геракл разорвал скалы, соединив два великих моря. Неужели вы, вавилоняне, мнящие себя владыками мира, не способны на подобное? Вот уж мы утерли бы нос грекам с их мертвыми легендами, явив им живое чудо!

Царица зажмурилась, беззвучно улыбаясь своей невероятной фантазии.

— Что думаешь, Амаис? Амаис?

Но Амаис уже не слышала. Слова царицы, брошенные как капризная шутка, упали в её разум, словно искра в сухую солому. Образы, расчеты и линии хлынули лавиной. Принести горы и леса в сердце плоской пустыни...

А ведь верно. Жрецы строят зиккураты до самого солнца, так почему нельзя одеть эти вершины в зелень? Разве законы геометрии и веса кричат «нет»? Они молчат. А значит, это возможно.

— Где табличка и калам?! — в лихорадочном дерзком нетерпении воскликнула она, забыв о придворном этикете.

Амейтис, уловив эту внезапную перемену, без лишних слов протянула ей чистый пласт влажной серой глины и тростниковую палочку. Царица затаила дыхание, завороченно наблюдая за пальцами Амаис.

Калам замелькал по сырой поверхности, оставляя глубокие четкие борозды. Сначала лег мощный фундамент, затем послушная воле Амаис глина начала расти вверх: один ярус, второй, третий... Ступенчатая гора из массивных платформ, опирающихся на толстые колонны, а поверх каждой ступени — схематичные размашистые штрихи, обозначающие кроны вековых деревьев и струящиеся потоки воды.

Когда Амаис оторвала калам от глины, Амейтис благоговейно прошептала:

— Вот оно... Это мой дом.

Амаис посмотрела на исчерченную табличку, и лицо её стало холодным и серьёзным. Безумный экстаз отступил перед лицом суровой реальности. Это был набросок, но её ум математика уже видел, сколько тысяч талантов золота, миллионов обожженных кирпичей, пластов свинца и человеческих жизней потребует эта зеленая гора.

— Это красиво, моя царица, — произнесла Амаис, опуская калам. — Но кто из смертных замахнется на такое? Кто рискнет спорить с природой ради каприза?

Амейтис посмотрела на нее с той глубокой гордостью, которая бывает только у царских дочерей:

— Тот, кто жаждет оставить своё имя в веках. Тот, кто правит Вавилоном.

Белесые клубы пара лениво поднимались к сводчатому потолку, пропитанному запахом кедровой смолы и горького миндаля. Ина-теши-этир откинулся на гладкий бортик бассейна,

запрокинув голову. Молодая рабыня усердно втирала густое благовонное масло в его широкие плечи и окладистую, аккуратно подстриженную по моде бороду.

Амаис быстрыми движениями сбросила расшитые одежды, оставив украшения на мраморной скамье, и вошла в воду. Обжигающая влага, как ни странно, принесла облегчение. Голова слегка кружилась, то ли от пьянящей радости открытия, то ли от густого пара и аромата масел.

С лукавой торжествующей улыбкой она подплыла к мужу. Ина-теши-этир, не открывая глаз, беззлобно проворчал:

— Великая Иштар, за что мне досталась столь нетерпеливая жена?

Амаис усмехнулась его привычному ворчанию.

— Оставь нас, — Ина-теши-этир приоткрыл один глаз и кивнул рабыне. Та покорно поставила чашу с маслом у бортика, низко поклонилась и бесшумно скрылась за занавесью.

Муж взял чашу, зачерпнув ладонью пахучую жидкость. Амаис послушно развернулась к нему спиной. Ина-теши-этир заботливо собрал её густые темные волосы в узел на затылке, чтобы не запачкать их, и его теплые пальцы начали мерно растирать её шею и плечи.

— И долго мне придется упрашивать тебя, чтобы ты заговорила? — спросил он, массируя напряженные мышцы.

— Мои мысли рассыпались в мозаику, пока я шла сюда, — Амаис прикрыла глаза, поддаваясь расслабляющему теплу. — Великий царь хочет сделать Амейтис подарок. Он повелел зодчим придумать, как разогнать её тоску по мидийским горам.

Пальцы Ина-теши-этир на её плечах не изменили темпа.

— И, конечно же, ты уже знаешь, как это сделать.

Амаис разочарованно выдохнула. Этот человек знал её слишком хорошо, удивить его в очередной раз не получилось. Муж хмыкнул и продолжил, смывая ладонью масло с её кожи:

— Твой отец совершил опасную глупость, когда позволил тебе учиться вместе с сыновьями. Твои познания в математике редки и бесценны, и ты знаешь, что я всегда уважал твой острый ум. Но Вавилон — это город мужчин, Амаис. Старые мастера из совета зодчих не станут слушать женщину, будь твои расчеты трижды благословлены самим богом Набу.

Амаис до крови прикусила губу.

— Мне нужен союзник, Ина-теши-этир. Тот, кто не побоится дерзнуть вместе со мной. Кто подпишет чертежи своим именем.

Руки мужа на её плечах замерли. В наступившей тишине было слышно, как капли воды срываются с бортика.

— Амаис, я чиновник царской канцелярии, я считаю налоги и подати. Я не зодчий.

— Но ты лично знаком с ними.

— И никто из них и пальцем не шевельнёт ради чужой славы.

— Так дай им её. Всё, что попросят.

Ина-теши-этир потянулся к чаше, чтобы зачерпнуть масла. Затянувшаяся пауза дала им обоим время подумать. Наконец, он спросил:

— Что, если предложить это Мардук-шум-иддину?

Амаис передернуло, она фыркнула:

— Этот старик развалится на части прежде, чем мы зложим первый камень в фундамент.

— А как насчет Балату?

— Молод и неопытен.

— Арди-Набу? Тот, что перестраивал южный дворец.

Амаис вздрогнула в его руках и резко обернулась к мужу:

— Ты хочешь пустить наш дом по миру? У нас нет столько золота!

Ина-теши-этир улыбнулся, глядя на её возмущенное лицо. Он скользнул вперед и крепко обнял жену, прижимая к своей груди.

— Хорошо. Значит, будем искать человека, которому хватит тщеславия и смелости.

Амаис согласно кивнула, откидываясь на его плечо. А над зеркальной поверхностью купальни всё так же лениво и безмолвно поднимались сизые дымки ароматного пара, унося их тайны к высоким сводам.

Зал приемов в Южном дворце Навуходоносора напоминал раскаленную печь для обжига кирпича. Стены, облицованные пронзительно-синей глазурью с рельефными золотыми львами Иштар, казалось, вибрировали от гулкого эха мужских голосов.

На высоком кедровом помосте, восседая на тронном кресле из слоновой кости и чеканного золота, застыл сам Навуходоносор II. Рядом с ним, бледная, как утренний туман над Евфратом, сидела царица Амейтис.

Поодаль среди придворных чиновников стоял Ина-теши-этир. Его лицо оставалось бесстрастным, но пальцы, спрятанные в широких складках дорогой льняной туники, до белизны сжимали край пояса. Амаис стояла впереди мужа. На её бледном лице не дрогнул ни один мускул. Она смотрела на глиняную табличку, покоившуюся на медном пюпитре перед царем.

— Это безумие! Это святотатство против законов камня! — громовой, дребезжащий от старости и ярости, голос Мардук-шум-иддина заставил вздрогнуть даже стражников у дверей.

Старый верховный зодчий, опираясь на резной костяной посох, неспеша шагнул вперед. Его седая завитая мелкими кольцами борода тряслась от негодования.

— О великий царь, владыка четырех сторон света! Мы строили храмы Эсагилы, мы подняли зиккурат Этеменанки до самых облаков, соблюдая каноны предков! Но то, что предлагает эта... табличка — это вызов самой природе. Поднять гору земли на кирпичные своды? Наполнить её водой? Сырой кирпич размокнет в первую же луну! Свинцовые прослойки не удержат влагу, опоры просядут под тяжестью кедров, и вся эта рукотворная скала рухнет, погребя под собой твой священный гарем! Это не чертеж, это фантазия, нацарапанная на куске грязи!

Навуходоносор молчал. Но те, кто знал царя, видели, как наливаются кровью его темные глаза, а тяжёлая ладонь, лежащая на подлокотнике, сжалась в кулак так, что хрустнули суставы.

— Убар-Син! — царь обратился к зодчему, с которым Ина-теши-этир тайно договорился накануне, отдав немалую часть семейных сбережений. — Что скажешь ты, мастер?

Убар-Син выступил вперед. Его лоб лоснился от пота. Он бросил быстрый испуганный взгляд на яростное лицо Мардук-шум-иддина, затем на наливающийся грозой силуэт царя. Мужество и жажда золота оставили его в одну секунду. Он упал ниц, коснувшись лбом холодного пола.

— Пощади, владыка! — запричитал зодчий, его голос жалко дрожал. — Я был ослеплен дерзостью замысла, когда благородный Ина-теши-этир показал мне эти знаки! Но теперь, выслушав мудрость великого Мардук-шум-иддина, я вижу: это гибель. Формулы госпожи Амат-Иси-эсагила-рамаат ошибочны. Это женские бредни, которые невозможно воплотить в камне! Я отрекаюсь от этой таблички!

В зале повисла удушающая тишина. Амаис осталась одна. Муж не мог ей помочь, его статус чиновника был ничем против авторитета строительной коллегии. Царица Амейтис безмолвно опустила голову.

Навуходоносор поднялся с трона. Его фигура казалась огромной, дышащей первобытным гневом, статуей верховного бога. Он шагнул к Амаис, и каждый его шаг отдавался в её груди ударом ритуального барабана.

— Зачем?... — голос царя был тихим, но от этого ещё более страшным. — Зачем ты принесла это мне, женщина? Ты решила посмеяться над своим царем?! Написать на глине то, что нельзя построить?!

Мардук-шум-иддин победоносно улыбался в бороду. Ина-теши-этир зажмурился, внутренне прощаясь с должностью, а возможно, и с жизнью жены.

Амаис молчала, сжав зубы, чувствуя, как внутри что-то медленно осыпается оттого, что её выстраданная математическая истина была растоптана трусостью старых догматиков.

— Это возможно построить.

Раздался уверенный голос с заметным ионийским акцентом. Придворные притихли, расступаясь.

Из круга почтенных чужеземных мастеров, приглашенных в Вавилон для обмена опытом и технологиями, вперед вышел Ликас. На нем был белый гиматий с изящным греческим орнаментом, скрепленный золотой фибулой, а на запястье тускло поблескивал массивный перстень, знак признания его заслуг в далекой Ионии.

В зале пронеслась волна благоговейного шепота. Кто-то позади Амаис с придыханием выдохнул: *Это сам Ликас Милетский... Тот, что провел воду сквозь гору Микале...* Даже спесивые вавилонские мастера невольно подобрались, признавая его авторитет.

Столкнувшись на мгновение глазами с Амаис, Ликас ободряюще кивнул ей. Мардук-шум-иддин возмущенно насупился, но промолчал, не смея открыто оскорблять прославленного зодчего.

— Говори, — властно приказал царь, подавшись вперед.

Ликас подошел к медному пюпитру.

— Твои мастера, о великий царь, безусловно возводят монументальные стены, — звучно произнес он. — Благородный Мардук-шум-иддин прав в одном: если строить так, как строят сегодня, всё рухнет. Но мы будем строить по-иному.

Мардук-шум-иддин оперся на свой посох и нахмурился. Несмотря на клокочущую ярость, в его словах, обращенных к греку, сквозь спесь сквозило уважение:

— Твоё имя славится от Ионии до Египта, Ликас из Милета, и мы знаем силу твоих машин. Но Вавилон не Греция. Твой легкий мрамор не выдержит сырости наших низин. Как ты удержишь тонны мокрой земли на весу? Неужели твои боги научили тебя отменять законы тяжести?

Ликас снисходительно улыбнулся, даже не повернув головы в сторону старика, его взгляд по-прежнему был устремлен на царя:

— Тяжесть подчиняется числам. Чтобы удержать землю, мы не станем громоздить кирпич на кирпич, как вы делали это веками. Мы возведем каскады ступенчатых террас, и каждая терраса будет передавать свой груз нижней. Земля разделит свой вес между всеми опорами.

— Опоры?! Из обожженной глины?!

Мардук-шум-иддин окончательно вышел из себя, его голос сорвался на яростный фальцет, а посох со стуком ударился о пол.

— Вода Евфрата, которой вы собрались поить эти деревья, просочится сквозь любой раствор! Она размочит стыки, камень зацветет, и арки сложаются, как сухой тростник! Ты погубишь наших людей, чужеземец!

Ликас повернулся к нему.

— Вода потечет там, где я ей прикажу. Я заранее изучил все ваши чертежи, которые представляли здесь сегодня. Они скучны и сотканы из страха перед будущим. Но этот проект — особенный.

Он положил ладонь на глиняную табличку Амаис.

— Госпожа нашла то равновесие, которое свяжет камень, свинец и воду в единое целое. Строители Вавилона кричат «невозможно», потому что берегут опыт предков. Но я утверждаю: эта зеленая гора будет стоять.

Ликас взглянул на царя, и в его глазах зажегся тот же священный огонь творца, что пылал в сердце Амаис:

— Я готов объединить свой опыт с её расчетами. И я подпишу эту табличку своим именем, отвечая за каждый кирпич.

Мардук-шум-иддин хотел сказать что-то ещё, но царь остановил его резким движением руки.

— Довольно.

Амаис перевела дыхание. Оцепенение спало. Она смотрела на этого гордого уверенного чужеземца, который единственный во всем зале осмелился разделить с ней её дерзкую идею.

Навуходоносор II поднялся с трона. Гнев, недавно душивший его, бесследно испарился, уступая место ликующему восторгу. Ему было неважно, кто и как воплотит эту идею. Важно было то, что мечта о недостижимом абсолютном величии снова стала осязаемой.

— Да будет так! — Громовой голос Навуходоносора заставил вздрогнуть своды Южного дворца. Царь широко развел руки, глядя на притихший совет зодчих с хищным превосходством. — Вы слышали его?! Вавилон сотворит то, перед чем склонят головы все цари земные! Мое имя превзойдет славу древних владык, и этот триумф останется в веках!

Он обратился к притихшим вавилонянке и греку:

— Вы получите всё, что нужно. Начинайте немедленно. Я хочу видеть, как эта гора поднимется к самым небесам!

Амаис замерла у дверей, прижав ладонь к груди. Она провела пальцами по массивным золотым ожерельям, проверяя, ровно ли лежит шнурок с цилиндрической печатью, её фамильной реликвией. Убедившись, что всё на своих местах, она переступила порог рабочей комнаты Ликаса.

За массивным столом из ливанского кедра сидел прославленный зодчий. Склонившись над свитками, он был полностью поглощен вычислениями, и его смуглые пальцы уверенно держали заостренный тростник. Услышав шаги, Ликас быстро поднял голову. В его светлых глазах отразилась острая сосредоточенность. Властным жестом он попросил Амаис присесть, без слов давая понять, что соразмерность чисел требует тишины.

Амаис плавно опустилась в плетеное кресло и принялась с любопытством осматривать комнату. Её чуткий любознательный взор сразу отметил странное, но гармоничное смешение двух миров.

На грубых обтянутых воловьей кожей сундуках с глиняными табличками соседствовали хрупкие корзины из нильского тростника, доверху набитые свитками привозного папируса. В углу комнаты высилась покрытая глазурью вавилонская амфора для зерна, которую Ликас приспособил под свои чертежные шести.

Рядом с традиционным светильником, испускающим ароматный дым кунжутного масла, на полке покоилась изящная чаша из терракоты, расписанная черными фигурами греческих атлетов.

Но больше всего её внимание привлекли разложенные на столе инструменты, каких она, выросшая в Вавилоне, никогда не видела: изящные медные циркули, гладкие линейки из слоновой кости и витые шнуры со свинцовыми грузилами-отвесами для проверки точности углов.

Она оглядела самого мастера. У Ликаса было открытое благородное лицо с крупными, классическими чертами, присущими сынам Эллады: прямой, продолжающий линию лба нос, четко очерченные губы и густые, коротко подстриженные выющиеся волосы цвета темного каштана, тронутые первой сединой на висках.

Простой белый гиматий подчеркивал его крепкую широкую в плечах фигуру. Амаис мысленно отметила, что он находился в том прекрасном возрасте, когда мужчина уже обрел мудрость, но еще не утратил сил, а значит, был примерно на пять-семь лет старше её самой.

Наконец Ликас отложил чернильный тростник, поднялся из-за стола и почтительно поприветствовал её по всем правилам вавилонского этикета, прижав руку к сердцу.

— Благородная госпожа Амат-Иси-эсагила-рабат, надеюсь, я не оскорбил вас в тронном зале, дерзнув разделить с вами будущую славу этого чуда?

Амаис величественно склонила голову:

— Для меня честь, что мастер такого уровня признал верность моих чисел.

Ликас горделиво улыбнулся.

— Впредь называйте меня просто Амаис, — уголки её губ тронула усмешка. — Можно успеть встретить старость прежде, чем мое имя произнесут полностью.

Ликас ответил легким поклоном:

— В таком случае, и я для вас — просто Ликас. Сейчас за моей спиной шепчутся о воде, которую я провел через гору Микале. Но кто знает... может, совсем скоро во всех землях Средиземноморья будут с придыханием произносить моё имя вслед за великим Вавилоном.

— Вавилон живёт волей царя, а царь любит всё, что способно пережить человека. В Элладе его имя известно как имя великого завоевателя и строителя, но царь многолик. Знают ли там, например, что он собирает древние таблички, статуи, печати, и хранит их в отдельном помещении?

Ликас удивился и призадумался.

— Разве мало, что его имя останется в веках?

— Имена забываются, в отличие от деяний.

Они улыбнулись друг другу. Ликас жестом пригласил её подойти к столу, и они приступили к работе. Им предстояло перепроверить каждую строчку в расчетах опор, уточнить размеры и составить подробный перечень всего, что потребуется для закладки фундамента на первых порах.

Склонившись над папирусом, они начали намечать тот самый первый главный участок постройки, с которого рукотворная зеленая гора начнет свое восхождение к облакам.

Над строительной площадкой у Южного дворца стоял рокошующий гул. Вавилон пробуждался к сотворению чуда. Тысячи рабов, похожие на муравьев в облаках рыжей глиняной пыли, расчищали основание под будущие террасы. С реки тянулись бесконечные караваны ослов, груженных обожженным кирпичом, а надсмотрщики гортанными криками поторапливали погонщиков. Воздух был густым от запаха пота, сырой земли и горячего битума, который плавил в огромных чашах для связующего раствора.

Амаис и Ликас вместе с помощниками обходили участок, сверяя разметку фундамента. Ликас то и дело останавливался, проверяя натяжение мерных шнуров и уровень укладки первых плит, а Амаис вела строгий учет в свитках папируса.

— Поставки ливанского кедра задерживаются на три дня, госпожа, — докладывал ей старший смотритель складов, пытаясь перекричать стук строительных топоров. — Смола для изоляции воды доставлена полностью, но плотники требуют бревна для каркасов уже к следующему новолунию...

Амаис кивнула, собираясь ответить, как вдруг её чуткий слух уловил обрывок разговора чуть поодаль. Младший строитель, бледный и взволнованный, что-то быстро говорил хмурящемуся Ликасу, активно жестикулируя:

— ...прямо у северных ворот, мастер! Тяжёлый воз, доверху груженный обожженным кирпичом для храма, сорвался с привязи. Убар-Син не успел отскочить. Ноги раздроблены в щепки. Хвала богам, жив, но лекари говорят, он больше никогда не сможет не то что подняться на леса, но даже сделать шаг без костылей. Пути богов неисповедимы...

Острая скула на бледном лице Амаис едва заметно дернулась, а пальцы крепче сжали тростниковый калам. Вавилонские боги карали на редкость вовремя и именно руками тех, кто умел незаметно подрезать ремни на осях перегруженных повозок.

Взяв себя в руки и вернув лицу выражение спокойствия, она повернулась к зрителю, словно ничего не слышала:

— Передайте начальнику барж: если кедр не прибудет через два дня, налоги с его общины будут утроены. Плотники получают дерево в срок. Продолжайте работу.

К вечеру жара спала, сменившись прохладным дыханием Евфрата. Стройка затихла, и над террасами опустились лиловые сумерки. Ликас и Амаис подошли к бронзовой чаше с чистой водой, установленной у навеса, чтобы омыть руки от въедливой кирпичной пыли.

Рабыня тонкой струей лила прохладную воду на их ладони. Луч солнца, пробившись сквозь навес, ударил прямо в грань цилиндрической печати, висевшей на шее Амаис. Яркий солнечный зайчик, отразившись от искусной резной фигурки Древа жизни, на мгновение ослепил грека.

Ликас прижмурился и впервые за всё время заговорил о вещах, не имеющих отношения к строительству:

— Я много путешествовал, госпожа, но раньше не замечал, чтобы у знатных вавилонянок была личная печать.

Амаис посмотрела на тёмный камень, ставший частью её жизни с самого отрочества, и её голос зазвучал тише, под стать сгущающимся сумеркам:

— Так бывает, когда боги гnevаются на род и забирают наследников-мужчин по прямой линии. Однажды это случилось в моем роду. С тех пор эта печать передается от матери к старшей дочери, в знак памяти о прерванной мужской ветви.

Она закончила омовение, и служанка принялась бережно сушить её пальцы мягким льняным полотном. Амаис вздохнула, глядя на воду:

— Но боги решили, что эта традиция оборвется на мне.

На открытом лице Ликаса отразилось искреннее сочувствие. Его взгляд потеплел. Заметив это мимолетное проявление жалости, Амаис поспешила объяснить:

— У меня двое сыновей. Моему мужу хватает наследников.

Ликас склонил голову.

— Очаг вашего дома крепок, Амаис. И великая Иштар наверняка ещё подарит вашему роду дочерей, чтобы эта прекрасная печать не осталась без хозяйки. Вы молоды, и ваше время еще не ушло.

По спине Амаис прошел пронизывающий озноб. Она вспомнила черные ночи после вторых родов, крики повитух, запах жженой полыни и приговор храмовых врачей: больше ни одного ребенка её тело выносить не сможет.

Спрятав руки в складки плаща, Амаис заглянула в светлые глаза чужеземца и ответила твердо, сдерживая дрожь в голосе:

— Да. Я еще достаточно молода.

Закатное солнце Вавилона заливало террасу Южного дворца жидким золотом. Отсюда, с огромной высоты, царица Амейтис и её любимица Амаис смотрели вниз на величайший город земли.

Вокруг монументальных храмов и массивных дворцовых комплексов теснились бесчисленные жилые дома, и снизу поднимался глухой гул пёстрой жизни гигантской столицы.

В отличие от многих других городов, Вавилон поражал строгостью линий. Его длинные, прямые улицы шли через всю городскую территорию, деля её на четкие прямоугольные кварталы.

У самых окраин ютилась в полумраке беднейшая часть жителей. Их хижины, построенные из тростника и речного ила, казались сверху сухими гнездами. Ближе к центру обитали люди среднего достатка, богатые торговцы и ремесленники. Их прочные двух-, трех- и даже

четырёхэтажные дома из кирпича выстраивались в ровные обожженные стены, прорезанные окнами-бойницами.

С раннего утра и до позднего вечера в этих кварталах кипела неуёмная жизнь. К широким причалам Евфрата безостановочно приставали груженные лодки и корабли, в мастерских звенели молоточки медников, а звонкоголосые торговцы зазывали покупателей в свои лавки. Но скорая ночь обещала принести этому великому улью долгожданное умиротворение.

Тогда наглухо закроются медные городские ворота, люди скроются за толстыми стенами, а легкий ветерок с реки принесет прохладу. На черном небесном бархате зажгутся мириады ярких звезд, и лишь строгие оклики бодрствующей стражи на стенах да далекий лай собак будут время от времени нарушать чуткий сон великого Вавилона.

Царица Амейтис лениво повернула голову к подруге и с притворной обидой произнесла:

— Прошло несколько месяцев с нашей последней встречи, Амаис. Ты совсем погрузилась в дела и напрочь забыла о своей царице.

Амаис склонила голову, не отрываясь от раскинувшегося внизу города:

— Как же я могу забыть тебя, госпожа? Ведь каждую минуту моих дней я занята тем, чтобы твои думы о родных мидийских горах вновь стали радостными. Каждая цифра на моей глине служит твоей улыбке.

Амейтис лукаво улыбнулась, пригубив из кубка темное финиковое вино.

— А этот грек... Ликас. Он ведь неплох, правда? Конечно, он не воплощение мудрого бога Энки на земле, но всё же...

Амаис молча подняла свой кубок и сделала долгий глоток, надеясь за благородным напитком скрыть замешательство и избежать ответа.

— Или, быть может, твоему уму он больше напоминает сурового Энлиля? — с нажимом спросила Амейтис, прищурившись.

Амаис прикусила щеку. Мидийка расставила свои сети слишком искусно, не оставив места для отступления.

— Думузи, — ответила Амаис, глядя на то, как солнце опускается за горизонт. — Он напоминает мне Думузи. Пастух, который явился, чтобы совершить предначертанное, но, когда Сады поднимутся к небу, он вернется в свою далекую страну.

Амейтис пристально вглядывалась в точеный профиль подруги, подсвеченный багровыми лучами заката. Взгляд царицы скользнул по её шее, закрытым одеждам, и следующий вопрос прозвучал тихо и безжалостно:

— Сколько времени твой муж не прикасался к тебе как к женщине?

Амаис промолчала, но её пальцы так сильно сжали ножку кубка, что побелели ногти.

— Я так и думала, — выдохнула Амейтис, и в её голосе скользнуло искреннее сочувствие напополам с женским высокомерием. — Ты давно забыла, Амаис, как выглядят глаза мужчины, который вожделеет тебя. Одержим тобой.

— Он не вожделеет меня! — Амаис резко повернулась к царице. — Его интересуют только чертежи и кирпичи!

Амейтис низко рассмеялась, запрокинув голову.

— О, дорогая моя... Так значит, ты сама вожделеешь его. Молчаливо ждешь его шагов. Ищешь его на стройке среди прочих мужчин...

— Я не... — Амаис осеклась, слова застряли в горле. Она судорожно сглотнула, сию секунду прогнать внезапно вспыхнувший в памяти образ.

Перед ней, словно наяву, возник Ликас на раскаленной полуденной стройке. Его крепкие загорелые руки, набрякшие жилы, когда он сам, отстранив рабов, поднимал тяжёлый кирпич, проверяя прочность обжига. Крупные капли пота, стекающие по его оголенной шее вниз, за ворот легкой туники, подчеркивая зрелую силу эллина.

Амейтис подошла ближе и плавно раскинула руки в стороны, словно обнимая весь Вавилон, погружающийся в сумерки.

— Любого мужчину можно покорить, Амаис, если знать, как. И тогда он построит для тебя сады в самих небесах.

Царица обернулась, и её глаза фанатично блеснули в наступающей темноте:

— Смотри, Амаис, смотри на Вавилон. Все эти спесивые жрецы, военачальники, послы... все они думают, что знают, чей это город. Но на самом деле он мой.

Амаис посмотрела на царицу со смесью леденящего ужаса и невольного восхищения.

— Пройдет время, Амаис, — тише добавила царица, и её руки медленно опустились. — Очень много времени. Великие победы прошлого обратятся в пыль. Однажды наступит день, когда ни один человек на земле не сможет прочесть клинопись на глиняной табличке о том, какой именно правитель вылепил эти стены и сколько золота ушло на фундамент Висячих садов. Но все, до самого конца времен, будут помнить, ради кого это чудо было сотворено.

Спустя четыре луны два нижних яруса Садов были полностью завершены. Мощные платформы, укрытые свинцовыми пластинами и залитые битумом, держали на себе тонны плодородной земли, куда садовники высадили первые семена. Третий ярус был наполовину выведен ввысь.

Строительный улей работал без сбоев, пока один предрассветный час не нарушил ход работ.

Амаис проснулась до того, как в её покои влетела испуганная рабыня. Земля под ногами мелко дрожала, а со стороны Евфрата был слышен нарастающий гул, сменившийся далеким стоном сотен глоток.

Не слушая лепет рабыни, Амаис рывком сбросила тонкое покрывало. Пальцы дрожали, пока она натягивала простое платье под сопровождение оглушительного стука собственного сердца.

Когда она взбежала на строительный холм, её глазам открылось месиво из грязи, кирпича и человеческой плоти. Юго-западный угол третьего яруса, который они с Ликасом с такой гордостью осматривали накануне, рухнул внутрь себя.

Разрушения поражали своей безжалостной хаотичностью. Мощные арки, призванные хранить пустоту внутри террас, переломились, словно сухой тростник. Огромные многотонные плиты перекрытий рухнули вниз, увлекая за собой пласты мокрой земли и дробя всё, что находилось под ними.

Из-под нагромождения расколотых обожженных кирпичей виднелись изувеченные тела рабов из утреннего строительного отряда. Кто-то заживо был погребен под слоем жидкого раствора из битума и ила, кто-то кричал, придавленный неподъемным обломком опоры. В воздухе стояла удушливая пыль, пахло сыростью развороченной земли и кровью.

Ликас уже был там. В одной тунике, с лицом, серым от кирпичной пыли, он стоял у самого края провала. Его светлые глаза лихорадочно блуждали по обломкам.

Амаис подошла и встала рядом. Стоны раненых не доходили до их сознания. Они видели перед собой только рухнувшую конструкцию, которую еще вчера считали безупречной. Крах соразмерности чисел.

— Как?.. — выдохнул Ликас, и в его голосе звенела яростная беспомощность. — Как это могло произойти? Раствор был свежим, укладка плит шла строго по отвесу... Арки не могли сложиться сами! Я же всё контролировал!

— Это не арки, — Амаис до боли сжала кулаки, её челюсть свело судорогой от внутреннего гнева. Она заставила себя внешне оставаться непоколебимой скалой, хотя внутри всё клокотало. — Наши расчеты безупречны, Ликас. Числа не умеют лгать.

К ним, спотыкаясь о тела и обломки, подбежал бледный старший надсмотрщик, заикающийся от ужаса:

— Госпожа... господин... Свод центральной опоры ... разошелся по швам. Нижние плиты выдавило из пазов...

Ликас резко повернулся, осматривая характер излома уцелевшей колонны. Бронзовые скрепы, удерживающие угловые блоки, были вывернуты с мясом, но камни вокруг казались целыми. В голове Амаис общая картина сложилась в возможный узор, который она поспешила озвучить, чтобы не дать другим напасть первыми.

— Это не ошибка, — громко, так, чтобы слышали сбегающиеся к месту обрушения десятники и младшие мастера, произнесла Амаис. Её голос, чистый и безжалостный, разрезал стоны раненых. — Это намеренный саботаж. Кто-то тайно подрезал скрепы или разбавил битум маслом на этом участке, чтобы погубить Чудо царя.

Она обвела обвиняющим взглядом замершую толпу строителей. Ликас потрясенно посмотрел на неё, но промолчал, переваривая эту мысль.

— Старый коршун... — процедила Амаис, и в её глазах вспыхнул огонь мести. — Мардук-шум-иддин. Он с самого первого дня жаждал увидеть наш позор. Наверняка это его рук дело!

Она сделала шаг вперед, гордо вскинув голову над дымящимися пылью руинами Садов, и её голос зазвучал как смертный приговор:

— Проверить всех поставщиков, допросить каждого выжившего! Клянусь великой Иштар, тому, кто виновен в этом обвале, будь он последним рабом или верховным зодчим Вавилона, не будет пощады. Его кости станут основанием для новой опоры!

Амаис потеряла усталые, покрасневшие от бессонницы глаза и со вздохом отложила в сторону глиняную плитку с отчетом о поставках битума. Навуходоносор II повелел приостановить работы на время расследования, и площадка у Южного дворца притаилась в ожидании.

Амаис не умела сидеть сложа руки. За последние несколько дней она лично перепроверила все записи о смесях, расходах кирпича и плотности ила, но ничего не нашла. Числа сходились с идеальной точностью, а Сады тем не менее лежали в руинах.

Она посмотрела в узкое окно-бойницу. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в цвет спелого граната, но время до наступления полной темноты еще оставалось. Амаис поднялась и решительно направилась в рабочую комнату Ликаса.

У самой двери она резко остановилась, уловив доносившиеся изнутри звуки. Прислушавшись, она мгновенно узнала этот скрипучий от старости голос, который так яростно проклинал её вычисления в тронном зале.

Не раздумывая больше ни секунды, Амаис распахнула кедровую дверь и вошла внутрь, поджав губы. Смерив старого зодчего гордым взглядом, она повернулась к Ликасу и сухо произнесла:

— Мне нужно говорить с тобой, мастер.

Старик, опираясь на свой посох, поспешно начал подниматься с кресла, чтобы уйти. Проходя мимо женщины, он остановился и, желчно ухмыльнувшись в седую бороду, не упустил случая пустить ядовитую стрелу:

— Твои таблички не выдержали обжига, госпожа. Земля Вавилона тяжелее, чем женские капризы.

Амаис даже не повернула головы, высокомерно проигнорировав его выпад. Когда шаркающие шаги старика затихли в коридоре, она сделала шаг к столу и резко спросила:

— Что хотел этот старый коршун?

— Не он, а я, — Ликас устало потер переносицу, перед ним лежали разорванные свитки папируса. — Я сам позвал его, чтобы ещё раз поговорить о природе здешней глины и укладке фундамента.

Глаза Амаис расширились от возмущения:

— Что может рассказать тебе тот, чья зависть разрушила твоё творение?

Ликас устало махнул рукой, поднимаясь со своего места:

— Его вина не доказана, Амаис. Никто во всем Вавилоне не настаивает на его вине, кроме тебя.

Амаис мысленно усмехнулась. Неужели этот прославленный эллин, чьим мужеством она восхищалась, оказался слаб духом перед лицом первой же неудачи? Медлить было нельзя, царь требовал крови виновных.

Ликас обошел массивный стол и подошел к ней вплотную. Он заглянул в её темные, полные ярости глаза, и его голос зазвучал тише:

— Не дай гневу разрушить то, что мы воздвигли. Сначала ищут истину, и только потом утверждают её перед миром.

Амаис замерла, чувствуя, как его близость странно кружит ей голову. Да, логика грека благородна. Но так в Вавилоне не выжить. Кто-то обязательно должен заплатить за обвал.

Ликас сделал ещё шаг, сокращая расстояние между ними до предела. В душном полумраке комнаты он видел, как трепетно и часто начала вздыматься её грудь под тонкими складками платья, как подрагивают густые ресницы, единственные живые мятущиеся черты на её обычно застывшем лице.

Дыхание Амаис коснулось его губ:

— Не так давно двух пророков, посмевших принести царю свою правду, сожгли живьем на медленном огне. Царю не нужна истина, Ликас. Царю нужно слышать то, что он хочет.

Ликас, заворожённый её голосом и близостью, медленно протянул руку. Его загорелые пальцы коснулись каменной печати, покоившейся на её груди. Камень хранил притягательное тепло её тела. Пространство между ними окончательно истончилось.

Его слова раздражали её именно потому, что она чувствовала: он может оказаться прав. Амаис затаила дыхание, замерев, словно львица перед прыжком, а в следующий миг сама рванула зодчего на себя.

Их губы встретились в отчаянном поцелуе, в котором смешались страх, уязвленная гордость и долгие месяцы сдерживаемой страсти. Ликас крепко обнял её, отвечая с неистовой силой эллина, и потянул назад, пока не уткнулся спиной в край рабочего стола. На секунду оторвавшись от её горячих губ, он развернулся и посадил Амаис, так что она оказалась сидящей на гладком ливанском кедре среди его записей.

Его поцелуи стали опускаться ниже, сладкими каплями ложась на её шею, ключицы и уходя под ворот платья. Амаис мучительно прогнулась в спине, когда его руки раздвинули плотные складки её одежды, и он вошел в неё своим горячим языком.

В этот миг она сама словно стала глиняной табличкой в его руках, податливой и влажной, позволяя ему вычерчивать на своем теле замысловатые узоры. Напряжение внутри неё росло, готовое взорваться. Её пальцы судорожно сомкнулись на разложенных папирусах, с хрустом комкая бесценные расчеты.

Ликас снова оказался у её лица, его глаза помутнились от вожделения. Он повалил её спиной на стол и вошел в неё весь, заполняя её истосковавшееся тело до самого края.

Амаис громко застонала. Их жадные движения сбрасывали со стола всё, что попадалось на пути. Инструменты со звоном летели на пол, глиняные таблички со сметами с грохотом падали, перемешиваясь со свитками египетского папируса.

В этой душной комнате больше не существовало ни стройки, ни Вавилона, ничего, только этот дикий ритм, от которого кружилась голова.

С последним хриплым вздохом Ликас излился в неё и затих, тяжело дыша и всем весом прижимаясь к её груди. Наваждение спадало, но её тонкие пальцы всё еще продолжали блуждать по его крепкой влажной от пота спине.

Ликас приподнялся и посмотрел на неё сверху вниз. В наступившей тишине, среди разбросанного по полу разгрома, их взгляды встретились. Вспышка страсти словно очистила их разум от наносного гнева.

Они молча поднялись, лихорадочно поправляя одежды. Не говоря ни слова, они одновременно опустились на пол в самую гущу разбросанных записей. Амаис дрожащими пальцами потянулась к расколотой глиняной табличке, а Ликас схватил измятый папирус и чернильный тростник. Самый главный расчет в их жизни начинался заново.

Ошеломленные и раздавленные, Амаис и Ликас сидели друг напротив друга, не смея поднять глаз от заново пересчитанных числовых рядов.

В памяти снова и снова вставал момент обрушения. Цветущие Сады, оседающие в грязь и кровь под тяжестью их собственной слепой гордыни. Числа, которые еще недавно казались им пропуском в бессмертие, теперь выглядели как смертный приговор.

Ошибка была идеальной в своей простоте, и оба они до безумия боялись произнести это вслух, словно слово могло окончательно закрепить их гибель.

Первым заговорил Ликас. Его голос, обычно звучный и уверенный, сейчас напоминал сухой шелест камыша:

— Это наша ошибка, Амаис. Моя геометрия... я рассчитывал соразмерность опор по эллинским канонам. Вавилонский кирпич оказался мягче после долгого полива, чем я предполагал. А в твоих расчетах... в них отсутствует поправка на вес мокрой земли после обильного полива. Каскад террас стал впитывать воду, кирпич внутри пилонов размяк, и плиты просто выдавили опоры из пазов. Мы сами обрушили свод.

Амаис вскинула голову, её лицо превратилось в маску из белого обжига. Она хищно подавалась вперед и перехватила его запястье:

— Молчи! Молчи, Ликас. Ни одна живая душа не должна узнать об этом. Нельзя, чтобы правда покинула эти стены.

Ликас бессильно осел на испачканный пол, его широкие плечи поникли:

— Всё кончено, Амаис. Числа не утаишь. Старик Мардук-шум-иддин не виноват. Мы сами погубили себя своей спесью.

Глаза Амаис лихорадочно заблестели, в её разуме, воспитанном среди безжалостных придворных интриг Вавилона, мгновенно родился чудовищный план спасения.

— Никто во дворце не станет проверять эти расчеты заново, — её шепот обжигал лицо грека. — Если завтра на складах старика стража найдет кувшины с разбавленным маслом и срезанные бронзовые скрепы... все поймут, что это он подстроил обвал.

Ликас отпрянул от неё с неподдельным ужасом:

— Что ты говоришь, Амаис? Это подлог! За измену царю его казнят на площади, его забьют камнями!

— Подумай, Ликас! — прошипела Амаис. — Если мы признаем ошибку, казнят нас. Выбирай: жизнь старца, который и так на краю могилы, или наши головы!

На открытом лице Ликаса отразилась мучительная борьба, но не было и тени согласия с её методами. Наоборот, по его коже разлилась брезгливость к этой жестокости.

— Нет, — твердо отрезал он, поднимаясь с колен. — Я отказываюсь строить эти Сады на крови невинного.

— Тогда эти Сады некому будет строить, — ледяным тоном ответила она.

Амаис поднялась на ноги, оправляя складки измятого платья. Она смотрела на него сверху вниз с суровостью человека, рожденного в месте, где испокон веков правил древний незыблемый закон.

Но во взгляде Ликаса было что-то, чего она прежде не встречала при вавилонском дворе, отчего ей стало не по себе.

— Должен быть другой путь, — с глубокой верой произнес зодчий.

Его руки бессильно опустились, и смятый папирус с роковыми вычислениями с шелестом упал на пол к её ногам. Амаис несколько долгих мгновений всматривалась в его лицо, пораженная его упрямством, а затем резко развернулась и молча покинула комнату, оставив его одного в сгущающейся тьме.

— Ты действительно этого хочешь? — Ина-теши-этир недоуменно развел руками. Даже сейчас, стоя у массивных дверей тронного зала, он до последнего не верил, что жена приняла такое решение. За долгие зимы их брака ей наконец-то удалось по-настоящему его удивить.

— Да, — коротко ответила Амаис. Её лицо казалось высеченным из холодного алебастра, а пальцы крепко сжимали шнурок с фамильной печатью.

— Но мы могли бы.. — муж сделал шаг ближе.

Она отрицательно качнула головой. Ина-теши-этир всмотрелся в её лицо и кивнул. Массивные створки, обитые кованой медью, со скрипом распахнулись. Они вошли в тронный зал.

Атмосфера под высокими сводами была дымной и душной. Навуходоносор II восседал на своем золоченом троне, лениво перебирая крупные бусы из лазурита. Царь ждал.

Весь двор замер в предвкушении. Правителю требовалось имя того, кто дерзнул осквернить его Чудо, и Амаис обещала указать на виновного.

У подножия царского помоста стоял Ликас. В его позе угадывалось нервное натянутое напряжение. Смуглые пальцы эллина то сжимались в кулаки, то бессильно опускались. Он, человек чистой науки, еще не привык к удушающим интригам вавилонского двора и замер в полном неведении, не зная, какие слова сейчас сорвутся с губ этой опасной женщины.

Рядом с ним, опираясь на сучковатый посох, стоял Мардук-шум-иддин. Седая борода старого зодчего тряслась от негодования, и он то и дело бросал в сторону царя отчаянные возгласы:

— Владыка Вселенной! Мой род служил Вавилону со времен великого Хаммурапи! Я бы никогда не навредил твоему творению, ибо гнев богов стер бы мое имя с глины истории!

Амаис сделала три шага вперед и величественно склонилась перед троном. Когда она выпрямилась, её чистый голос разнесся по залу, заставив старика притихнуть:

— Великий царь, я нашла причину обвала. Числа и камни открыли правду. Это вина обмерщиков и надсмотрщиков из числа пленных. Они нарушили порядок укладки и скрыли признаки повреждения опоры, надеясь закончить участок раньше срока.

Ликас выдохнул, его плечи опустились, он продолжал смотреть на неё не отрываясь.

— Но владыка, — продолжала Амаис, — грозный Мардук не дремлет. Боги сами показали виновных за их оплошность. Именно те мастера и надсмотрщики, что допустили ошибку, оказались погребены заживо под тоннами обрушившегося кирпича в предзакатный час. Кара настигла их прямо на месте преступления.

Навуходоносор II удовлетворенно хмыкнул, лазуритовые бусы в его руках замерли. Хищная вавилонская справедливость была удовлетворена: виновные названы, наказание свершилось волей богов, а значит, можно продолжить стройку.

— Боги справедливы, — гулко произнес царь, подаваясь вперед. — Но меня интересует другое. Когда моя зеленая гора продолжит свое восхождение к облакам?

Ликас сделал шаг вперед, опережая Амаис, и твердо произнес:

— Мы готовы вернуться к работе, о великий царь, когда покинем этот тронный зал. Чертежи перепроверены, опоры будут укреплены двойной кладкой плит. Сады будут стоять.

Царь благосклонно махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена, но Амаис не двинулась с места. Она гордо вскинула голову:

— Владыка, дозволь мне сказать ещё одно слово.

Навуходоносор слегка приподнял бровь в знак согласия. Амаис повернулась к Мардук-шум-иддину. Для женщины её круга предстоящее было немислимым унижением, но она выдержала этот удар с лицом царственной статуи.

— Почтенный Мардук-шум-иддин, — громко произнесла она, заставив старика вздрогнуть. — В минуты гнева и скорби по разрушенному Чуду я посмела бросить тень подозрения на твоё честное имя и верность царю. Прими мои глубокие извинения перед ликом богов. В знак моего почтения к твоей седине и вековой мудрости, я прошу тебя принять эти скромные дары.

По знаку Ина-теши-этира в зал вошли четверо крепких слуг. Они несли большие подносы, на которых лежали сокровища, способные утихомирить любого: три отреза тончайшего виссона, окрашенного в редчайший финикийский пурпур, два массивных серебряных кубка, украшенных чеканными головами быков, и запечатанный кувшин дорогого благовонного масла из садов Сирии.

Старый зодчий ошарашенно переводил взгляд с драгоценностей на Амаис. Его уязвленное эго ликовало. Спесивая аристократка умылась грязью перед всем двором и признала его превосходство. Его губы расплылись в довольной улыбке.

— Мудрость всегда возвращается к тем, кто умеет слушать старших, госпожа, — высокомерно проскрипел старик, давая слугам знак забрать подносы. — Я принимаю твои извинения. Пусть Мардук хранит твой дом.

Когда двери зала закрылись за спинами придворных, Амаис и Ликас свернули направо в длинный прохладный коридор. Напряжение, державшее их несколько дней, наконец отпустило. Они шли шаг в шаг по гладким каменным плитам.

— Эти Сады будут построены на лжи, — с горькой усмешкой произнес Ликас, не поворачивая головы.

— Зато они будут построены, — ответила Амаис.

Они шли дальше, к выходу на залитую солнцем стройку. Теперь между ними лежала тяжесть общего непростого решения, которое скрепляет крепче любого раствора.

Раннее солнце Вавилона едва цепляло розовыми лучами верхушки зубчатых стен, когда Амаис и Ликас поднялись на третью террасу. За прошедшие месяцы Сады изменились до неузнаваемости: там, где раньше зияли раны обрушившихся пилонов, теперь высились мощные, облицованные свинцом платформы.

Густая сочная зелень мидийских дубов и ливанских кедров уже оплетала арки, а воздух, прежде сухой и пыльный, теперь пах сырой землей, речной свежестью и распускающимися бутонами. В этот предраассветный час огромный строительный улей ещё спал, и на террасе царил парящая над миром тишина.

Они остановились у края глубокого бассейна, выложенного гладким тесаным известняком. Сюда, на высоту, цепи бронзовых ковшей подняли первую чистую воду из Евфрата. Прозрачная холодная гладь лениво переливалась через резной борт, уходя каскадами вниз.

Ликас уверенным движением распустил узлы на плечах и сбросил на каменные плиты свою тунику. Амаис вскинула брови:

— Ликас, что ты делаешь?

Зодчий открыто улыбнулся, оставаясь совершенно нагим перед её взором. Его зрелое крепкое тело с рельефными мышцами казалось бронзовым в первых лучах рассвета.

— Когда ещё, Амаис, нам выпадет такой случай? Скоро царь заселит эти ярусы своим гаремом. Мы больше никогда не сможем просто так подняться сюда.

С этими словами он плавно соскользнул в прозрачную глубь. Вода с глухим плеском приняла его тело. Ликас откинул мокрые волосы назад, зачерпнул ладонями пригоршню и, глядя на уходящий за горизонт Вавилон, произнес:

— Знаешь, глядя отсюда на этот гигантский город, я впервые подумал о том, что ничто не вечно. Эти стены, дворцы, даже наше Чудо когда-нибудь обратится в прах под тяжестью веков. Вечны только небо над нами, земля, которая нас кормит, и эта вода. Они меняют форму, но никогда не теряют своей сути.

Амаис коснулась ладонью поверхности. Та самая вода, которая едва не разрушила их жизни, теперь покорно лежала у её ног.

В её глазах зажглось озорное пламя. Она потянулась к воротнику своего платья, развязала шнуры и позволила тонкой ткани соскользнуть к ногам.

Её нагота в лучах восходящего солнца была восхитительной и волнующей, лишенной вычурности, скрытой под украшениями. Высокая полная грудь со смуглыми сосками, узкая талия, плавно переходящая в округлые, женственные бедра, и гладкая кожа цвета топленого молока, по которой скользили золотые блики рассвета. Она ступила на мокрый известняк и, погружаясь в прохладную воду вслед за ним, убежденно ответила:

— Небо, земля и вода безразличны к нам. Одно лишь время иногда благосклонно. Именно из таких мгновений, как сейчас, и создается вечность.

Она подплыла ближе, и вода сомкнулась вокруг них, стирая границы между Вавилоном и Элладой. Ликас притянул её к себе за талию, чувствуя скользкий шелк её мокрой кожи. Они прижались друг к другу так тесно, словно хотели запомнить это утро навсегда. Холодная вода, первые лучи солнца и тихий плеск вокруг делали происходящее похожим на древний обряд, свидетелями которого были только небо и вода.

Спустя время они сидели на прогретых солнцем плитах у края террасы, подставив лёгкому ветерку мокрые волосы. Одежда, наброшенная на подсыхающие тела, приятно холодила кожу.

Ликас перебирал пальцами украшения на её шее, пока не добрался до каменного цилиндра и резного изображения на нём.

— Расскажи мне, Амаис, в чем суть Древа жизни?

— Бессмертие, — ответила она, глядя вдаль. — Оно связывает земной, небесный и подземный миры.

Ликас внимательно посмотрел на её серьёзное лицо:

— Прошрое, настоящее и будущее. Ты говорила, у тебя двое сыновей. Каковы они?

— Старший, Набу-аххе-иддин, крепок и силен. Он весь в отца и его род, его ждет служба при дворе царя или в колесничном войске. А второй... — она запнулась, сглотнув ком в горле. — Второму, Бел-ушалиму, никогда не стать воином. При родах его тело пострадало. Боги оставили его в живых, но я всё еще не знаю, из милосердия ли.

Ликас осторожно накрыл её ладонь своей, согревая пальцы:

— В Элладе говорят, что боги лишают тело силы, чтобы наделить разум двойной мудростью. Войны выигрывают не только с мечом в руках.

Амаис грустно улыбнулась. Она поднялась, отряхнула платье от прилипших травинков и влажного песка. Ликас поднялся вслед за ней, застегивая пояс с инструментами. Внизу уже просыпалась стройка, и вместе с ней возвращалась привычная жизнь. Дело близилось к завершению, и они, снова став суровыми мастерами, твердым шагом направились к верхним галереям.

Рабыня переступила с ноги на ногу, чувствуя, как палящее вавилонское солнце немилосердно жжет плечи. Она находилась здесь уже очень долго, не решаясь прервать созерцание госпожи. Рабыня знала, что Аамат-Иси-эсагила-раамат может неподвижно простоять на этой обзорной террасе до самой темноты, но домашние дела в поместье требовали её участия и приказов.

Рабыня неловко покачнулась, и мелкий камешек с хрустом треснул под подошвой её сандалии. Госпожа обернулась вполоборота. Её лицо, полускрытое легким покрывалом от пыли, оставалось спокойным и величественным.

— Ещё минутку, — негромко произнесла она, и рабыня покорно склонила голову, отступая на шаг назад.

Да, Аамат-Иси-эсагила-раамат, или Аамат, как ей нравилось больше, могла бесконечно стоять так, вглядываясь в парящий над городом изумрудный массив. Висячие сады высились перед её взором во всем своем немыслимом величии. Солнечные лучи пронизывали кроны мидийских дубов, дробились алмазными искрами в струях водопадов и плавно ложились на нерушимые каскады террас. Они смогли. Они победили.

Теперь, когда Навуходоносор передал их царице Амелитис, Аамат больше не могла, как прежде, войти внутрь по первому желанию, пройти по прохладным галереям или омыть руки в тайном каскаде. Да этого уже и не требовалось.

Всё, что они с Ликасом рассчитывали, чертили на папирусе и лепили из глины, теперь отделилось от них и жило своей собственной грандиозной жизнью.

Стоя под этим вечным южным небом, она понимала, что со временем многое сотрется из памяти. Забудутся липкие дворцовые интриги, ядовитые взгляды жрецов и шумные ссоры на совете зодчих; покроется пылью воспоминание об усмирении бунта рабов на нижнем ярусе и страшная казнь Мицу-бели, которая посмела обвинить их в растрате царской казны и была живо замурована в основание пилона.

Всё это уходило, как песок сквозь пальцы. Но один образ, самый главный, самый важный, заслонял собой всю её прошлую жизнь.

— Мне жаль, Ликас... мне бесконечно жаль, что боги не оказали нам эту милость. Мне жаль, что мое тело проклято и у меня не осталось от тебя ребенка. Того, кто носил бы твои черты и напоминал мне о тебе.

Глаза грека, до этого хранившие глубокие следы печали от неизбежности их скорого расставания, потеплели. Он сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними, и бережно, с бесконечной нежностью поднес ладонь к её бледной щеке.

— О, Аамат... — его голос звучал как тихая клятва. — Боги подарили нам нечто гораздо большее, чем плоть и кровь. Не бойся забыть меня. Каждый обожженный кирпич в этих стенах, каждое посаженное дерево, каждая капля укрощенной нами воды отныне сохраняют память о наших вечных мгновениях. Просто приходи сюда, на эту террасу. Наше дитя вон там, прямо за твоей спиной. Обернись!

Последняя охота

VII век до н.э. Новоассирийская империя находится на пике своего грозного величия. Её владыка, царь Ашишурбанипал, железной рукой правит огромной вселенной от египетских Фив до гор Элама.

Время, когда слово Ниневии было законом для сотен народов, а ассирийская армия не знала равных. Но под позолотой великого расцвета уже зрели семена скорого падения империи.

Горячая степная пыль забивалась в ноздри, мешая дышать. Четырнадцатилетний Ашур сжимал в руках тяжелое копье с железным наконечником. Ладони потели, древко скользило. В десяти шагах от него, припав к сухой земле среди жухлого кустарника, глухо рычал раненый лев. Зверь был загнан, но не сломлен. Острые клыки обнажились, а желтые глаза горели дикой яростью.

Позади полукругом стояли воины из личной гвардии его отца и жрецы храма Ашшура. Никто не сдвинется с места, никто не поможет. Набу-дин решил, что сын достаточно вырос для первой настоящей охоты. Сегодня мальчик в нём должен умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.